

Марк ЗАХАРОВ:

В Петербурге наши спектакли расцветают

В ПЕТЕРБУРГЕ ПОЛУЧАЕМ ЗАРЯД ЭНЕРГИИ

— Марк Анатольевич, как вас принимают петербургские зрители? Довольны ли вы?

— Очень доволен. Более того, есть даже какие-то частички счастливых ощущений. Особенно я это почувствовал в «Вишневом саде» — на втором спектакле. Обычно у артистов есть поверье, что второй спектакль бывает хуже первого. У нас же произошло наоборот: мы правильно расположились в пространстве, очень хорошо себя почувствовали, свободно, возникли какие-то чудесные мгновения, и вот в финале, когда вся наша декорация рушится и артисты стоят, была замечательная пауза в продолжение действия — взаимодействия со зрительным залом. И зрители молчали, и мы молчали... А потом кто-то крикнул «браво!», начались аплодисменты, зал поднялся и была долгая овация. Было ощущение катарсиса. Это не так часто бывает, потому что мы живем в перенасыщенном всевозможными зрелищами пространстве. И когда в театре возникает такое — такие паузы, это дорогого стоит. У нас было особое фирменное питерское ощущение тонкого, рафинированного и умного зрителя.

— Действительно ли так велика разница между публикой московской и петербургской?

— Разница есть. Не могу сказать, что это принципиальная разница, — нет, наверное, это не так. Но есть разница в ощущениях каких-то нюансов, каких-то тонких вещей — когда одна тишина сменяет другую тишину, и в этом отсутствии звуков участвует большая масса людей, которая заряжается какой-то сценической энергией. В Москве так иногда бывает на премьерных спектаклях, когда на первые спектакли — до десяти, пятнадцати, редко до двадцати раз — идет зритель, похожий на петербургского. Потом что-то упрощается в восприятии. А в Санкт-Петербурге спектакль расцветает, и

мы получаем заряд энергии и веры в свои силы.

«МЫ ДЕТИ ПОЛДОРОГ, НАМ ИМЯ — ПОЛДОРОЖЬЕ»

— Этим летом ушел из жизни Андрей ознесенский. Вы вместе когда-то сделали «Юнону» и «Авось» — спектакль, уже ставший легендарным...

— Наверное, все началось с того, что, когда я был в Сан-Франциско, мне показали на одном кладбище могилу первого губернатора города и расположенную рядом могилу его дочери Кончиты. Это реально существовавшие люди, Андрей Вознесенский их не выдумал. Мне рассказали связанную с Кончитой историю, похожую на ту, о которой писал Александр Грин в «Алых парусах».

Она в течение многих лет выходила на берег и ждала одного человека. Вот об этой истории Андрей и написал свою поэму. С этого момента и началось наше постоянное общение и сотрудничество.

Он дал мне почитать свое произведение, там были замечательные строки, но в целом рассматривать это как повод для спектакля было трудно. Поэтому надо отдать должное композитору Алексею Рыбникову, написавшему музыку и вообще много сделавшему для того, чтобы материал стал пригодным для сцены. Он собрал все, что имеет отношение к теме.

Привлекая Вознесенского, мы в глубине души рассчитывали на то, что само его имя

— имя поэта, только что получившего Госпремию, — уберезит спектакль от цензуры. Ведь в те годы мы подвергались сильнейшему идеологическому прессингу, над мной постоянно висела угроза увольнения.

Многие стихи Андрея Андреевича я по-прежнему наизусть до сих пор:

*Мы рано родились,
желая невозможного,
но лучшие из нас срывались с полпути,
мы — дети полдорог,
нам имя — полдорожье,*

*Прости...
Прости, никто из нас дороги не осилил,
да и была ль она, дорога, впереди?
Прости меня, свобода и Россия,
не одолел я целого пути.*

Мне кажется, что эти стихи каждый человек по-своему может приложить к своей судьбе, потому что редко у кого получается прожить свою жизнь так, как хотелось бы.

Его стихи имели объем, мне иногда казалось, что это не просто слова, а какие-то скульптурные изваяния, какие-то конструкции нашей русской лексики... Недаром он по образованию был архитектором.

Получился спектакль, вызвавший некое замешательство у нашего цензурного аппарата. Мы даже готовились что-то отдать (сейчас бы я ничего не отдал!). Но к нашему удивлению, его приняли! Приняли, несмотря на то, что мы поднимали там царский морской флаг, на духовные песнопения (а в то время Библия была запрещена, Новый Завет считался антисоветской литературой).

Андрей сказал, что не обошлось без вмешательства высших сил, и мы ринулись в Елоховскую церковь, чтобы поставить свечи Богородице, которая является одним из главных действующих лиц «Юноны».

А потом с помощью Пьера Кардена, с которым Андрей дружил, мы смогли вывезти спектакль в Европу, играли в Париже, имели успех.

ПРОДОЛЖАЮТСЯ
ГАСТРОЛИ
ЗНАМЕНОГО
МОСКОВСКОГО
ТЕАТРА «ЛЕНКОМ».
ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР
ТЕАТРА РАССКАЗАЛ
КОРРЕСПОНДЕНТУ
«ВП» ЗИНАИДЕ
АРСЕНЬЕВОЙ
О ТОМ, ЧЕМ
ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ПУБЛИКА
ОТЛИЧАЕТСЯ
ОТ МОСКОВСКОЙ

Но самое трудное все же — это не заработать деньги, а придумать такой спектакль, такой проект, который заинтересовал бы зрителей и был бы нужен им.

— Спектакль до сих пор жив. Это удивительно. Я могу вспомнить только один случай подобного долголетия — это «Братья и сестры» Льва Додина. Чем причина?

— Пьеса очень выверена в стихах, очень хороша музыка. Пришло новое поколение артистов, играет уже шестая по счету Кончита. Молодая кровь способствовала тому, что спектакль обрел дополнительную выразительность. Очень трудно было найти замену Николаю Караченцову, который много лет блистательно играл главную роль. Тем не менее сейчас Дмитрий Певцов и Виктор Раков — наши ведущие народные артисты — сделали это на достойном, высоком уровне.

— Советские времена у вас было много неприятных столкновений с цензурой, с чиновниками. А что сейчас самое сложное в жизни руководителя театра? Поиски денег, спонсоров?

— Да, конечно, экономический аспект очень важен сегодня. Раньше были государственные деньги, они вроде казенные, не наши, не наше дело об этом думать. А сегодня это стало нашим делом.

Но самое трудное все же — это не заработать деньги, а придумать такой спектакль, такой проект, который заинтересовал бы зрителей и был бы нужен им. Я все-таки большую часть жизни проработал в городе, в котором некуда было пойти. Ну, в кино. В рестораны не попасть, очереди. А сегодня, когда так много соблазнов, когда привозят чуть ли не каждый день гастролеров, когда есть Интернет, сложнее сделать так, чтобы люди подарили два часа вечернего времени театру. Многие театры не наполняют залы. У нас, слава богу, как в 73-м году начались аншлаги, так и продолжают по сей день. Хотя ничто не вечно, и нет стопроцентной уверенности, что всегда так будет.

торую часть интервью
читайте в завтрашнем номере.